

КАК ТРИНАДЦАТЬ ВОРОТИЛ НАРОД НАКОРМИЛИ

Жили да поживали воротилы. И было их не так много, но и не так мало, а ровным счетом тринадцать. А местными они прозывались не потому, что жили тут, — проживали-то они как раз в местах отдаленных, там, где были их сердца, то бишь деньги, хоромы-терема, благоверные с детьми, полюбовницы и прочее добро. Здесь же была та часть их имения, что они когда-то, во времена приснопамятные за гроши присвоили, или, прямо скажем, своровали, и которая давала им немереный прибыток.

Коротали они время и беды не знали. Но вот как-то скука обуяла то одного, то другого, а потом и всех сразу. Созвонились они, списались и решили в кои-то веки встретиться — все некогда, важные дела, — и повеселиться. Сняли ресторан в центре столицы, с музыкой и богатым застольем, но без лишних людей — надоели!..

Пьют, едят, музыка играет — а скука не проходит.

— А ведь скоро, братцы, годовщина, — промолвил один.

— Что еще за годовщина? — спрашивает другой.

— Как же? — Как мы с вами стали богачами, большими людьми!

— И правда, если посчитать — точно! — воскликнул третий.

— Это дело нужно отметить! — продолжил первый. — А что если нам отправиться, каждый на своей яхте, на необитаемый остров, на недельку, да на такой необитаемый, чтобы там и травинки не было?

— Но на яхтах у нас должно быть все! — поддержали его сотоварищи.

Ну как же, тузы да без всего. И решили они взять с собой вина и коньяки, припасы с деликатесами, музыку с музыкантами, прислугу высокого класса, танцовщиц широкого профиля, благоустроенные палатки, в которых будут жить только они с подругами, а остальные — на яхтах, на которых свой капитан да штурман с несколькими матросами.

Выбрали они остров, передали все дела приказчикам своим, сели на яхты и двинулись в путь...

Долго ли, коротко ли странствовали, но вот и остров их, необитаемый. Сошли на берег, — но вначале только одни, — чтобы совершить обряд, о котором столковались в пути. А надумали они ни много ни мало, как воздать хвалу *своему* создателю и благодетелю за пожалованное им богатство.

И вот сели они в кружок, напрягли свои мысли и, зажмурившись, проговорили хором заранее разученную речевку... А когда открыли глаза, глядь — яхт-то нет! Где они?! Смотрят, но даже до горизонта нигде не видать. Обежали остров — небольшой

был — нет и нет. Они уже, грешным делом, начали шупать и щипать друг дружку, не спят ли, и не грезится ли им все это. Однако, не грезится... Они за смартфоны — нет связи! Хотя она была, когда они выходили на берег, связывались с «большой землей» — с семьями, приятелями и приказчиками. Даже друг с другом связи нет. Хотя она у них спутниковая — тузы все ж таки.

И тут у каждого, в тот же миг, как по волшебству какому, случился вдох и выдох, сопровождающийся долгим «а-а-а!» Поплыли крыши у наших деловых башен... Снова схватились они за смартфоны — хотели проверить свои счета, — хотя, знамо, Интернета-то тоже нет. Это еще сильнее удручило их, так как что еще страшнее для воротилы, чем невозможность лицезреть свои деньги, хотя бы в электронном виде.

— Что там с нашими счетами?! — возопили они, опять же хором.

Но мобильные банки, само-собой, так и не отозвались. И оказались наши приятели одни одинешеньки на мертвом клочке земли, посередь моря-океана, без какой-либо связи с родом людским. С неизбывной кручиной, со слезами поглядели они друг на друга — что делать? Кушать тянет, на грудь принять тянет, скучища несусветная, да и жара нещадная. А голод все сильнее и сильнее, не привыкло их чрево к такому умерщвлению плоти. И тут начала видеться им самая любимая пища. Однако при виде всего этого у них, буквально обонявших все эти благоухания, в организмах жидкости никакой не было для слюноотделения.

И, пошатываясь, бродили они, неприкаянные, залезали в воду и сидели там — все полегче. Однако на второй день уж больно слабые, только лишь лежали в тени скалы и дорого бы дали за глоток воды. На острове же ни травинки, ни кустика и никакой живности. Сами выбирали пустынейший из пустынных. Никогда в жизни приятели не попадали в такой переплет: денег горы, а пустить их в ход и поправить нынешние свои дела не могут!..

— Люди, люди! — простонал один.

— Вот кабы сейчас люди узнали о том, что с нами случилось, помогли бы как советские! — промолвил другой.

— Ведь мы тоже и сами были когда-то пионерами, а закон у них — помочь дружбану в беде, — в беспамятстве пролепетал третий.

— Я бы полцарства отдал тому, кто вытащит меня отсюда! — из последних сил вскричал, как ему казалось, четвертый.

— И я! И я! И я! — присоединились к нему остальные.

...А под утро, очнувшись от своих ночных кошмаров, один из них начал тормозить других:

— Смотрите! Смотрите!

— Да что?.. Что такое?.. Где, что?..

— Да вон там!.. — И показал им вдаль.

В глубине острова копошились люди... Поднялись воротилы, или то, что от них осталось, и побрели туда, куда указывал их приятель по несчастью. Подошли... И правда, люди — мужчины, женщины и дети, по виду бедные, несчастные, больные. А рядом валяются пустые пузырьки из-под настойки пустыряника.

— Вы кто?

— Да мы... вот... работы нет... у предков пенсии — на крышку гроба не хватит... А цены и плата за ЖКХ о-го-го! — отвечают.

— Понятно... А как вы здесь оказались?! — опомнившись, удивленно спросил, один из воротил.

И как только он это произнес, — все мгновенно исчезло.

Вернулись горемыки в тень скалы и в полной немощи опустились на камни.

Однако одна беда не ходит, и морока их продолжилась. Им все что-то не переставая мерещилось. Казалось, что они что-то возглашают и кличут куда-то других. Но посторонний наблюдатель, если бы таковой оказался рядом, приметил бы только

тихое бормотание и легкое шевеление рук и ног. А еще им виделось, будто каждый из них доброволец (надо же такому привидеться!), и, засучив рукава, пособляет нищим и горемычным: кто кашу раздаст, кто старается медбратам в поте лица, кто раселяет их в специально построенные жилища...

Так и лежали они, вконец измученные жаждой, голодом и химерами, уже едва не в обморочном состоянии. А ночью поднялся сильный ветер, стало холодно. Они, дрожа, очнулись. Светила полная луна, яркие крупные звезды низко висели в южном небе.

И уже когда ни одна дума не приходила в голову, по какому-то наитию сели друзья в тесный кружок, прижавшись спинами друг к другу, и взмолились, но уже не *своему* покровителю, как при схождении на берег, а Отцу Небесному, о котором когда-то читали, и как учил тому Тот, Кто бичом изгонял барышников из храма (что им раньше сильно не нравилось...)

И вдруг разверзлись небеса и раздался глас свыше, повторявший одни и те же слова, что громом раздавались в ушах этих измученных существ: «Отдай награбленное! Отдай награбленное!..»

Это невозможно было снести... И вдруг зазвонили телефоны.— Связь есть! Они опустили на камни и потянулись к ним. А голос все звучал. Не отвечая на звонки, приятели трясущимися пальцами открыли свои мобильные банки, свои счета и стали переводить деньги с них в «кошелек» державы, что раньше держали за свою вотчину-рашку, в народные предприятия, большой детворе, в детские же дома, в медицину, в образование... И делали это почти до полного обнуления счетов.

Голос перестал, и они забылись тяжким сном...

А когда открыли глаза и, поддерживая друг дружку, с трудом, шатаясь и падая, встали на колени, то увидели у берега свои яхты идвигающиеся к ним шлюпки с людьми...

...А в державе все СМИ, захлебываясь и стараясь лишить одно другого первенства, как это обычно с ними бывает, наперебой стали оповещать весь подлунный мир о великом чуде, о благословении Небес, по которому, наконец, наступила пора правды и благоденствия.

А НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ-ТО СПОДРУЧНЕЕ...

Перефразируя известное высказывание Л. Н. Толстого, можно сказать: все счастливые люди похожи друг на друга, а все несчастные несчастны по-своему...

Вот жилось бы мировым воротилам и жилось, так нет — подавай им плавающий город, да не просто, а на сорок тысяч человек. То бишь на все их триста семейств с сестрами-братьями, детьми, внуками и правнуками. И жилось бы им уже и поживалось в покое, ибо столько добра нажили, что и не счесть, так снова нет — решили они сотворить полную перестройку всего белого света: ни много, ни мало — поголовно заменить трудящихся людей роботами* под началом ИР**. А всех жителей Земли-матушки за ненужностью без остатка извести, напустив на них нарочно придуманную заразу-убийцу, а тех, кто устоит, доизвести, но постепенно, с помощью особых укулов. Решили даже не оставлять никого для присмотра за этими самыми роботами и, как говорится, для смазывания-ремонта, а также для создания их вновь, и вкупе с ними надсмотрщиков за этими ремонтниками. Ибо боялись, что снова размножится род людской на земных просторах. И все — от аза до ижицы — постановили возложить на робов.

Долго ли коротко ли дело делалось, а было сделано, тем более что оно шло без каких-либо помех и сделок между уже ненужными им, воротилам, нынешних царств и королевств, и шло довольно-таки проворно.

* Авторское название роботов.

** Искусственный разум.

И вот, наконец, остались они со своими семействами на этом плавающем острове и беды не знают. Наслаждаются почти натуральным климатом, чистым воздухом, а роботы снабжают их всем нужным и обороняют от всех мыслимых и немыслимых угроз. Рай, да и только!

Жили они, жили, у внуков уже дети родились, все хорошо — лучше не бывает. Но что-то тоскливо им всем стало. Куда ни пойдешь — одни и те же виды, одни и те же физиономии, — все одно. И так годы и годы.

И вот одному из воротил, как говорится, вожжа под хвост попала. Не хочу, мол, тут со всеми вековать — подавай мне особый плавающий город. Приказал он ИР, а тот, соответственно, роботам построить его семейству отдельную такую обитель. И построили — долго ли умеючи, когда все золотые горы, молочные реки и кисельные берега в подчинении. Переехал он со своими домочадцами, и стали они жить-поживать припеваючи.

Однако, как известно, пример заразителен. И другие воротилы сделали то же самое, а общее свое место жительства оставили про запас, на всякую оказию. Все доволны, жизнь, продленная новыми разработками ИР донельзя, продолжается.

Живут, дни за днями идут (а день у них уже стал, что твой год), но то ли хворь какая на них напала, то ли что, а каждый из воротил, чуть не в одночасье, восхотел освободиться от одинаковости своего бытия. К тому же сородичи его не то по этой же причине, не то от кровосмешательства — ведь других людей нет, все свои, — впали в умопомрачение. А также стали чуть ли не в очередь становиться к воротиле — как ко всему голове — со своими вопросами, тяжбами и затеями. Что делать?

И каждый из воротил, кто немного раньше, кто немного позже, решил устроить себе отдельный плавающий замок и удалиться в него, чтобы не видеть и не слышать никого и ничто.

А ИР, поняв это уединение как приказ, по уже налаженной схеме, не спрашивая и не уточняя, устранил и «сородичей», подобно прежнему устранению обитателей Земли.

И не так долго это делалось, но было сделано. Зажили воротилы сам-один, лучше и помыслить нельзя: на всем готовом и без всякого народа...

Шли годы, роботы трудились, снабжали всем и под управой ИР за здоровьем их следили, упреждая даже ничтожные от него уклонь. А воротилы, каждый в своем обиталище жили, как хотели, ни перед кем не конфузясь, ничего не страшась, вольными особями: хочу — в чем мать родила буду ходить, хочу — ни мыться, ни бриться не буду, хочу — на дерево залезу и там орехи щелкать буду или кокос грызть. А захочу — и на четвереньках ходить стану: так, на поверку, и проще, и сподручнее...

И перестали они изъявлять желанья да пожеланья свои, перестали походить на человеческие существа: забыли человеческую речь, обросли, завоняли...

А ИР в купе со всеми роботами действовали по трем правилам:

- исполнять приказания повелевающих особ;
- налаживать все условия для жития тех особ и всех их сожителей;
- ежели нельзя исполнять первые два правила, по причине неимения повелевающих особ и их сожителей, приступить к творению вновь рода людского, для чего было задолго, наряду с ИР, налажено и хранилище семени и женских яйцеклеток.

И ИР, присмотрев пригодный уголок Земли, с потребными условиями, принялся за творение нового человечества. А тот, недавно образовавшийся, малочисленный отряд человекоподобных обезьян, из-за неимения самок, довольно скоро вымер...

ЗАЯЧЬИ БОИ

Сошлись как-то волки, хоть и немного их осталось, сошлись на свой сход — обсудить свои волчьи нужды, да и просто потолковать. И в конце сходки, когда уже и толковать было не о чем, поднялся один серый и предложил:

— Что мы зайцев-то все ловим, да едим, ловим, да едим... Скучно и нудно. Почему бы нам не спроворить для забавы заячьи бои?

— Как так? — раздалось на поляне.

— А вот так: пусть они точат лясы и перечат один другому, препираются, бранятся, режутся на словах и увещевают один другого, мы же будем слушать, потешаться и, вообще, наслаждаться. Не все же нам после еды давить ухо, да по ночам выть на луну.

— А есть-то мы будем их, зайцев-то?

— А как же! Будем, да еще как! Но только не этих. Эти пусть нас забавляют, мы их и морковкой кормить будем после действия, не убудет с нас — зато весело заживем.

Разобрали все по косточкам волки, побились об заклад раз, другой и третий, да и сошлись — тому быть!

Изловили они восемь зайцев, правда, только сухопарых, так как более упитанных, удержу нет, съели. Разделили их на две дружины — какой же взаправдашний спор без того? Один устал, другой ему на смену заступает. И стали потихоньку приучать и морковкой кормить — зайцы-то со временем и вовсе ручными стали: ходят осанисто, судят да рядят, а по вечерам дружина на дружину набрасываются. Да и то волк, ответственный за это дело, наущает их, мол, позлее, позлее будьте, один на другого нападайте как на злейшего своего супротивника. Кто будет так выступать, да со смыслом, да с вывертом и страстью, тот получит двойную, а то и тройную порцию морковок.

Долго ли сказка сказывается, да недолго дело делается. А оно пошло. Даже волчье телевидение заинтересовалось и стало передавать на все волчьи поляны. И на морковку теперь этим волкам-строителям не приходилось тратиться. А зайцы знай хрумкают морковь, но все ж на волков косятся, косятся. Один не выдержал и говорит:

— Не верю, братцы, я им. Съедят они нас, за милую душу съедят!

— Да брось ты! — ответил ему другой. — Мы же им полезны. Смотри, как смеются и хлопают!

— А может это начало нового житья — согласия между зайцами и волками?! — воскликнул третий.

— Да, жди... Не дожدهшься, — возразил ему первый.

Но так или иначе, а деваться-то некуда — взялся, как говорится, за гуж... И бьются зайцы на говорильной сече аж до потери сознания порой, а после в очереди за морковкой улыбаются друг дружке, да приятельски толкуют меж собой.

Так и жирели наши зайцы, и до того разжирили, что многие волки, сидевшие вокруг поляны для боев, уже облизываться стали да задумываться — а не съесть ли нам их?

Так и шло: зайцы косятся, а волки подумывают. И чем больше зайцы косятся, тем больше волки задумываются, а чем больше волки думают, тем больше зайцы косятся...

Сколько долго бы все это тянулось и чем разрешилось, неизвестно, не случись нежданное, негаданное. Откуда ни возьмись, появились в лесу тигры, да как раз в тот момент, когда на поляне происходило это самое действие. Да до того свирепыми оказались те тигры, что сразу, недолго думая, окружили то место говорильное и, издав боевой рык, растерзали в миг тех волков и зайцев в клочья и... съели.

На том и закончились заячьи бои со страхами и волчьи мечтания.